

Решиться на убийство собственного дяди, который искренне помогал и поддерживал его, сделало Вэй Фусюэ в глазах жителей Цзинло безусловным злодеем.

Тао Цзюсы не мог не почувствовать горечь и искренне произнёс:

— Ваше Высочество, князь действительно хорошо к Вам относился. Надеюсь, в будущем Вы сможете отплатить ему добром.

Вэй Фусюэ с недоумением посмотрел на него, не понимая, почему он вдруг сказал это.

Вэй Фусюэ ещё не успел спросить, как за дверью раздался тихий стук, и охранник шёпотом произнёс:

— Первое Высочество, пора отпускать этого друга. Если мы задержимся, нам несдобровать.

Тао Цзюсы услышал это и встал, а перед уходом в последний раз напомнил:

— Ваше Высочество, наберитесь терпения и спокойно переждите это время. Не поддавайтесь на провокации. Я обязательно найду способ вытащить вас отсюда.

Сказав это, он снова согнулся, опустил голову, взял коробку с едой и вышел за дверь вместе с евнухом Хуа.

Евнух Хуа проводил его до выхода из покоев, вспомнив, что нужно передать несколько слов слуге, который должен был принести еду. Взяв коробку, он быстро попрощался с Тао Цзюсы.

Тао Цзюсы, оставшись один, по-прежнему шёл быстро, опустив голову, собираясь вернуться к Чжаои Ван в образе слуги. Но стоило ему свернуть за угол, как он услышал, как кто-то позвал его сзади:

— Цзюсы-гэ,

голос был низким, холодным и слегка раздражённым.

Тао Цзюсы узнал голос Вэй Жуньюя, но не остановился, продолжая идти мелкими шагами.

Голос снова раздался сзади:

— Цзюсы-гэ, не притворяйся. В чём бы ты ни был, я тебя узнаю.

Тао Цзюсы на мгновение остановился, и за это время Вэй Жуньюй уже догнал его, встав на пути.

Тао Цзюсы, не видя выхода, поднял голову и поздоровался. Однако он увидел, что лицо Вэй Жуньюя было необычно спокойным, и его обычная яркая улыбка впервые исчезла, оставив лишь безжизненное выражение, хотя он всё ещё был красивым, но лишённым прежнего очарования.

Вэй Жуньюй с лёгкой усмешкой окинул его взглядом и произнёс:

— В таком наряде, Цзюсы-гэ, куда это ты направился?

Не дожидаясь ответа, он продолжил с сарказмом:

— Ты был у старшего брата.

Вэй Жуньюй кашлянул. На улице стоял октябрь, было уже прохладно, и он почувствовал, как холод проник в него. Поправив плащ, он с досадой произнёс:

— Недавно я болел. Ты знал? Несколько раз отправлял людей в твой дом и в Министерство чинов, но все говорили, что ты ещё не вернулся. Хоть старший брат сейчас и под арестом, руки-ноги у него целы, а ты вот как заботлив.

Его слова вырвались с неожиданной горечью, и, если прислушаться, можно было уловить нотки ревности и обиды.

Тао Цзюсы вгляделся в юношу. За полгода его черты лица стали более выразительными, а рост увеличился. Однако в взгляде появились тревога и мрачность. Он знал такого Вэй Жуньюя — чувствительного и робкого юношу, который в прошлой жизни стал таким же человеком — одержимым и нервным. Сердце Тао Цзюсы сжалось, и он, подойдя ближе, с искренней заботой спросил:

— Ваше Высочество, чем вы заболели? Вам стало легче?

Эти слова, полные искренности, словно стали спасением для Вэй Жуньюя. Он схватил Тао Цзюсы за руку, и насмешливое выражение исчезло, как будто он снова стал тем добрым и невинным принцем. Вэй Жуньюй снова кашлянул и хрипло произнёс:

— Не очень, последнее время постоянно кашляю. Кузен, пойдём ко мне во дворец.

Тао Цзюсы поправил плащ Вэй Жуньюя, глядя на юношу, который уже стал такого же роста, как он. В его сердце вспыхнуло сострадание. Он жалел Вэй Жуньюя и вспоминал их прошлую дружбу. Подумав, он всё же согласился.

Как только они вошли в Дворец Юнлэ, Вэй Жуньюй сразу же начал отдавать приказы слугам. Одни разжигали огонь, чтобы приготовить еду, другие кипятили воду для чая, а третьи несли из кухни различные закуски и фрукты, словно приехал не Тао Цзюсы, а сам Нефритовый император или Небесная императрица.

Вэй Жуньюй же потащил Тао Цзюсы в свои покои, где достал новую одежду и сказал:

— Это новый кафтан, который матушка подарила мне. Он мне немного велик. Цзюсы-гэ, надень его, не надо ходить в наряде евнуха.

Ладонь Тао Цзюсы вспотела. В этой жизни он не должен был больше иметь ничего общего с Вэй Жуньюем, ведь это никому не принесёт пользы. Но он не мог заставить себя отказаться от доброты, снова и снова.

Его колебания Вэй Жуньюй воспринял по-своему. Он насильно вручил одежду Тао Цзюсы и приказал:

— Надевай и останься со мной поужинать. Твой сегодняшний визит к старшему брату я буду считать, что его не было.

Тао Цзюсы опешил. Такого Вэй Жуньюя он видел редко.

Не видя выхода, он надел новую одежду.

Лицо Вэй Жунъюя тут же просияло. Он взял Тао Цзюсы за руку и повёл в кабинет, где показал свои новые каллиграфические работы и только что завершённые задания, чтобы тот их оценил.

Взглянув на почерк Вэй Жунъюя, Тао Цзюсы заметил, что тот был аккуратным и строгим, выполненным в стиле Лю. Это отличалось от его почерка в прошлой жизни, когда Тао Цзюсы лично учил его стилю Янь, который был ровным, но с вариациями. Однако, учитывая характер Фан Цзунци, обучение Вэй Жунъюя такому стилю было вполне логичным.

Вэй Жунъюй, видя, что Тао Цзюсы молчит, с нетерпением спросил:

— Цзюсы-гэ, как мой почерк? А как сочинения?

Тао Цзюсы, опасаясь, что Вэй Жунъюя учат слишком строго и прямолинейно, после долгих раздумий мягко сказал:

— Ваше Высочество, ваш почерк прекрасен, а сочинения полны мудрости, однако...

— Цзюсы-гэ, говори прямо.

Тао Цзюсы произнёс:

— Знает ли ваше Высочество выражение: «Благородный муж в отношении к миру не придерживается строгих правил, но следует справедливости»?

Вэй Жунъюй кивнул:

— Учитель Фан учил меня этому.

Тао Цзюсы продолжил:

— Если следовать великой справедливости, в мире нет правил, предписывающих, как должен поступать благородный муж. Ваше Высочество, понимаете ли вы, что я имею в виду?

Вэй Жунъюй выглядел озадаченным, но Тао Цзюсы не стал настаивать, надеясь, что этот ребёнок сможет жить счастливо и не повторит ошибок прошлой жизни.

Тао Цзюсы сказал:

— Ваше Высочество, подумайте над этим. Не нужно спешить.

Вэй Жунъюй кивнул, на мгновение задумался, а затем, воспрянув духом, взял с полки коробку, открыл её и достал несколько картин. Он протянул одну из них Тао Цзюсы и сказал:

— Это моя новая картина. Посмотри.

Тао Цзюсы взял её и увидел изображение весенних цветов бегонии, которые выглядели очаровательно и ярко. Вдали виднелся восьмиугольный павильон, в котором сидел человек в длинной одежде, лицо которого было неразличимо.

Вэй Жунъюй тихо произнёс:

— Я часто вижу во сне человека в этом павильоне, который учит меня каллиграфии и помогает с учёбой. Но это не учитель Фан.

Тао Цзюсы был поражён, поняв, что картина изображала сон. В прошлой жизни он действительно часто сидел в павильоне, когда цвели цветы бегонии, и учил Вэй Жунъюя, прося его нарисовать несколько картин.

Неужели воспоминания прошлой жизни иногда проникали в сны Вэй Жунъюя?

Вэй Жунъюй, не зная мыслей Тао Цзюсы, продолжил:

— Когда мне снятся эти сны, я просыпаюсь и хочу понять, кто этот человек. Я перебрал в уме всех знакомых, но так и не нашёл ответа. Недавно я понял: человек во сне... иногда это я, а иногда — ты.

Тао Цзюсы с недоумением посмотрел на него, не понимая этой загадки.

Вэй Жунъюй печально произнёс:

— Ты учил меня читать и писать, а я был одинок. Но в итоге всё равно всегда остаюсь один.

Тао Цзюсы машинально протянул руку и погладил Вэй Жунъюя по голове.

В прошлой жизни всё было так же. Хотя Вэй Жунъюй занимал высокое положение и был любимцем отца и матери, кроме него, никто не желал сблизиться с ним. Большинство людей соблюдало этикет, а из-за высокого статуса второго принца они становились ещё более почтительными и отчуждёнными.

В этой жизни Вэй Жунъюй был таким же, но он больше не мог быть рядом с ним. Поколебавшись, Тао Цзюсы мягко сказал:

— Ваше Высочество, почему бы вам не завести больше друзей? Я слышал, в Цзинло немало талантливых юношей твоего возраста, с которыми стоит подружиться.

Но Вэй Жунъюй покачал головой. Он подумал немного, а затем серьёзно произнёс:

— Я хочу, чтобы ты стал моим первым другом.

Тао Цзюсы закусил губу. Он не хотел говорить «да», давая пустые надежды, но не мог сказать «нет», чтобы не расстроить его.

Вэй Фусюэ и Вэй Жунъюй в прошлой жизни были словно копьё и щит — неизбежно сталкивались друг с другом. В конце концов, ломалось либо копьё, либо щит, иначе их противостояние не прекращалось никогда.

<http://bllate.org/book/16421/1488174>